

*И.И. Семенов**

Новая большая жизнь перевода В.С. Манухина

АННОТАЦИЯ: В работе содержится отзыв на завершение первого полного издания в 4 томах и 5 книгах русского перевода знаменитого китайского романа XVI в. «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». Главный переводчик В.С. Манухин (1926–1974) закончил свою работу над романом около полувека назад, а опубликование его труда с дополнениями, иллюстрациями и научным аппаратом заняло у составителя и ответственного редактора А.И. Кобзева более 20 лет, с 1994 по 2016 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Цзинь пин мэй», «Цзинь, Пин, Мэй», «Цветы сливы в золотой вазе», В.С. Манухин, китайская литература.

Помню, когда я после окончания аспирантуры только начинал преподавать, Виктор Сергеевич Манухин (1926–1974), доцент нашей кафедры китайской филологии, показывал мне очень высокую стопку папок, наверно, метра на полтора, содержащих полностью выполненный им перевод известнейшего китайского романа XVI в. «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». Тогда он был озабочен поиском возможностей его публикации. Но вскоре Виктора Сергеевича не стало. И наш общий с ним учитель Любовь Дмитриевна Позднеева, сожалея о его преждевременной кончине, в одном из разговоров со мной сказала, что ему не удалось поддержать в руках издание своего перевода, над которым он работал так много лет. Однако Виктор Сергеевич сделал главное: завершил перевод в рукописном виде, и это делало возможным его скорую публикацию, тем более что переведённый им роман, при всей сопутствовавшей ему в традиционном Китае «дурной славе», по своему уникальному

* Семенов Иван Иванович, к.ф.н., доцент Кафедры китайской филологии ИСАА МГУ, Москва, Россия.

значению не нуждался у специалистов в каком-то особом обосновании для издания. И через несколько лет, в 1977 г., преодолевая цензурные рогатки, он, хотя и с купюрами, без оригинальных предисловий, был впервые опубликован на русском языке в виде двухтомника со вступительной статьёй и комментариями Б.Л. Рифтина, при участии в подготовке текста Л.П. Сычёва, в поэтическом переводе стихов, выполненном Г.Б. Ярославцевым. Этот перевод неоднократно переиздавался.

Но с 1994 г. началась новая большая жизнь труда В.С. Манухина, сложение которой растянулось на двадцать с лишним лет. В том уже далёком году в иркутском издательстве вышли первые три тома его перевода, дополненные в 2016 г. последним, четвёртым томом в двух частях. Этот четырёхтомник, представляя в наиболее полном виде перевод В.С. Манухина, восполняет в то же время изначально присутствовавшие в нём лакуны и сопровождается также полным набором известных традиционных иллюстраций¹.

Я думаю, Виктор Сергеевич мог бы порадоваться, увидев, какой большой коллектив наших отечественных китайедов подготовил такое необычное издание. Участие в переводе принимали О.М. Городецкая, А.И. Кобзев, В.С. Таскин; авторами поэтического перевода стихов, кроме уже упоминавшегося Г.Б. Ярославцева, стали О.М. Городецкая, В.В. Зайцев, А.И. Кобзев, Н.А. Орлова, С.А. Торопцев; научной подготовкой текста, его сверкой с оригиналом и редакцией занимались Д.Н. Воскресенский, О.М. Городецкая, А.И. Кобзев, С.И. Блюмхен; примечания, кроме самого В.С. Манухина, составляли Д.Н. Воскресенский, О.М. Городецкая, А.И. Кобзев, Б.Л. Рифтин, Л.П. Сычёв; переводы зарубежных работ о романе выполнили А.Д. Дикарёв, А.И. Кобзев, С.В. Никольская, А.А. Селезнёв.

Отдельные разделы в каждом томе занимают статьи Д.Н. Воскресенского, О.М. Городецкой, А.Д. Дикарёва, А.И. Кобзева, В.С. Манухина, а также зарубежных авторов — Бу Цзяня, Оно Синобу, П.Д. Хэнана. Каждая из этих работ способствует более глубокому пониманию истории создания, авторства, поэтики «Цзинь, Пин, Мэй». Особенно хотелось бы выделить две статьи Д.Н. Воскресенского: в одной из них — «Роман и современники» дан сжатый, но очень ёмкий обзор высказываний об этом произведении его современников, известных писателей и мыслителей того времени, в другой — «Роман и коммен-

¹ Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе. Роман, иллюстрированный 200 гравюрами из дворца китайских императоров. В 4-х т. / Пер. В.С. Манухина и др. Сост. и отв. ред. А.И. Кобзев. Т. 1, 2, 3. Иркутск: Улисс, 1994. Т. 4, кн. 1, 2. Москва: ИВ РАН, 2016.

таторы» впервые рассмотрена ранняя герменевтическая традиция «Цзинь, Пин, Мэй»; обе работы Д.Н. Воскресенский снабдил переводами разобранных в них произведений и комментариями. Весьма ценным представляется переиздание двух статей В.С. Манухина «Об авторе романа “Цзинь, Пин, Мэй”» и «Некоторые композиционные особенности романа “Цзинь, Пин, Мэй”». Эти работы, как и переизданные в четырёхтомнике статьи Б.Л. Рифтина, остаются до настоящего времени в научном плане вполне актуальными. То же самое можно сказать и о впервые переведённых на русский язык, хотя и давно известных на Западе работах указанных выше зарубежных авторов. Подводит итог проблематике четырёхтомника статья его составителя и ответственного редактора А.И. Кобзева «Загадки “Цзинь пин мэй”».

Вполне достоин самого романа и справочный аппарат издания, отличающийся большой скрупулёзностью и многоплановостью. Каждый из включённых в него указателей предоставляет не просто какую-то формальную справку, а необходимый для научного исследования материал. Помимо привычных индексов персонажей, исторических лиц, авторов и произведений, имеются и более дифференцированные указатели. В «Обзоре персонажей» даётся их классификация по разным аспектам: упоминанию по отдельности или в группе, по фамилии или имени, по социальному составу, даже по сексуальной ориентации и т.д. Приводится хронология рождений персонажей, но особенно впечатляет хронология событий, то есть подробнейшим образом расписанная хроника жизни персонажей.

Такой дифференцированный многоплановый подход к персонажам «Цзинь, Пин, Мэй» представляется вполне уместным. Ведь этот роман был, прежде всего, энциклопедией частной бытовой жизни средневекового китайца. Он уводит читателя в её глубину, к неисчерпаемому разнообразию предметов и слов низового, изнаночного слоя традиционной китайской культуры. А в нём В.С. Манухин был, видимо, одним из наибольших знатоков в отечественной синологии. Я помню, как он однажды на лекции, посвящённой китайской обценной лексике (кафедра не случайно поручила именно ему провести занятие на эту тему), рассказывал о том, что ему пришлось довольно долго работать переводчиком (если мне не изменяет память) министра коммунального хозяйства КНР и в общении с ним, по словам Виктора Сергеевича, он очень хорошо усвоил эту лексику. В «Цзинь, Пин, Мэ» ему открывались её исторические корни.

Но, конечно, это была только одна сторона чрезвычайно многогранного романа. В.С. Манухин чаще всего упоминается как его переводчик. Но он был у нас в стране автором первой кандидатской

диссертации, большого фундаментального исследования о нём, написанного под руководством Л.Д. Позднеевой. Собственно, его диссертация (других о «Цзинь, Пин, Мэй» больше нет до сих пор) составила основу изучения этого романа как литературного произведения, то есть как предмета литературоведческого исследования. В заключение, я хотел бы в наиболее обобщённой форме представить его концепцию романа, изложенную не только в диссертации, но и в его последующих работах.

1. Внешне создатель романа использует немало приёмов народной сказовой традиции, но в отличие от более ранних эпоей его произведение оказывается всецело авторским. Небольшой эпизод из «Речных заводей» об аптекаре Симэнь Цине и совращённой им жене уличного торговца Пань Цзиньянь становится в «Цзинь, Пин, Мэй» лишь поводом для создания оригинального крупномасштабного повествования. Наличие изначального авторского замысла обуславливает необычное для того времени композиционное единство произведения, в котором все сюжетные линии объединяет один герой — Симэнь Цин.

2. «Цзинь, Пин, Мэй» стал первой в Китае эпоеей частной жизни. Симэнь Цин представлен главным образом в семейном кругу, во взаимоотношениях со своими шестью женами, наложницами, прислугой и прихлебателями. Детальный показ бытовой стороны жизни сочетается в романе с широкой картиной нравов многих слоёв китайского общества второй половины XVI в. Именно быт становится здесь источником художественного обобщения. В связи с этим усиливается реалистичность повествования. Образы персонажей, многие из которых являются вымышленными, обретают индивидуальные черты, даются в развитии. Вместе с тем, реалистическая тенденция нередко переходит в натурализм.

3. В основе романа — пафос социального обличения. На примере карьеры и частной жизни Симэнь Цина автор осуждает произвол и коррупцию властей, нравственную деградацию китайского общества. Отрицая моральную распущенность, особенно в сексуальной сфере, он в то же время приводит немало эпизодов откровенно эротического характера, причём изображает их с таким увлечением, что многие в Китае стали его обвинять в смаковании непристойностей и развратном умысле. Но замысел романа более глубок. В нём слышится протест против ханжеского пренебрежения чувственностью, утверждаемого официальными идеологами того времени.

Эту концепцию надо иметь в виду, читая прекрасный художественный перевод В.С. Манухина. Но он, конечно, как сама жизнь, шире и глубже любой концепции. Четырёхтомник в полной мере способствует его творческому прочтению.

*I.I. Semenenko**

The new great life of translation by V.S. Manukhin

ABSTRACT: The paper presents an opinion on the first complete edition in 4 volumes and 5 books of the Russian translation of the famous Chinese novel of the 16th century «Jin, Ping, Mei, or The Plum in the Golden Vase». The main translator V.S. Manukhin (1926–1974) completed his work about half a century ago, and the publication of this translation with additions, illustrations and a scientific apparatus took the compiler and the responsible editor A.I. Kobzev for more than 20 years, from 1994 to 2016.

KEYWORDS: «Jin Ping Mei», «Chin P'ing Mei», «The Plum in the Golden Vase», V.S. Manukhin, Chinese literature.

* Semenenko Ivan Ivanovich, PhD (Philology), Chair of Chinese Philology of IAAS, MSU, Moscow, Russia.